

даже съ стоянкою русскихъ войскъ подъ Плевною. Почему же это грандіозное развитіе орудій борьбы и военнаго искусства должно называться мягче и скромнѣе, чѣмъ мелкое „кулачное право“ средне-вѣковой старины? Очевидно, что нѣтъ никакого основанія помѣщать господство физической силы въ какой-нибудь отдаленный отъ насъ періодъ международныхъ отношеній; это господство, въ болѣе широкихъ и усовершенствованныхъ формахъ, продолжается доселѣ, — оно сопутствуетъ принципу національностей, какъ прежде проявлялось въ теоріи политическаго равновѣсія, оставаясь неизмѣнною основою внѣшней политики государствъ. Такимъ образомъ, признаки, по которымъ проф. Мартенсъ дѣлитъ исторію развитія международнаго права на періоды, нуждаются въ соотвѣтственной поправкѣ.

Благодаря отчасти своему взгляду на войну, какъ на нормальный способъ „международнаго принужденія“, авторъ придаетъ особенное значеніе вопросу о кодификаціи военныхъ правилъ и обычаевъ. Извѣстно, что брюссельская конференція 1874 года, занимавшаяся этимъ вопросомъ, была созвана официально по предложенію Россіи, но что въ самомъ дѣлѣ починъ принадлежалъ прусскому правительству, выступившему горячо въ пользу ограниченія правъ народной обороны, подъ предлогомъ гуманности. На конференціи ясно опредѣлилось различіе между стремленіями военныхъ державъ и интересами слабыхъ народовъ: представители послѣднихъ были всѣ противъ прусскаго проекта, защищаемаго нѣмецкими генералами и русскими дипломатами. Г. Мартенсъ не упоминаетъ объ этомъ раздвоеніи, послужившемъ главною причиною неудачнаго исхода конференціи; онъ утверждаетъ даже, что „брюссельская конференція была одушевлена желаніемъ не стѣснить ни въ чемъ законнаго права народной обороны и обезпечить права добровольныхъ защитниковъ родины“, хотя оппозиція мелкихъ государствъ была именно направлена противъ этихъ предположенныхъ стѣсненій. Авторъ съ своей стороны полагаетъ, что „борьба совершенно неорганизованными массами никогда не достигала большихъ результатовъ и даже чаще въ итогѣ приносила больше вреда, чѣмъ пользы. Возбудить народъ къ сопротивленію непріятелю нетрудно, но нелегко управлять его возбужденными силами и заставить подчиниться распоряженіямъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ народныя войны приводятъ къ полной анархіи, одинаково нежелательной ни для нападающаго, ни для обороняющагося государства“ (т. II, стр. 481). Повидимому, такое мнѣніе не совсѣмъ согласно съ историческими фактами — напр. съ успѣхомъ партизанскихъ дѣйствій испанцевъ противъ французовъ при Наполеонѣ, съ судьбою французской арміи въ Россіи и, наконецъ, съ исторіею французской національной обороны 1870—71 годовъ.